

Исторический пессимизм неоплатонизма.

Картина феодализации римского общества разрешается в последнем большом периоде античной философии – неоплатонизме. Неоплатоники выказывали огромный интерес к традициям античной культуры, к стародавней мифологии. Как пишет А.Ф. Лосев, неоплатоники «вели открытую реакционную борьбу за восстановление» древних форм мысли с помощью тонкой диалектики [1- С. 4].

Основателем философского течения поздних веков античности стал Плотин – древнеримский ученый. Главной задачей философии Плотина была задача теософская. Целью его размышлений о божестве было последовательно вывести из божественного единства – как из последнего основания всякого бытия – градацию всего остального, существующего в мире, и указать путь, обратно ведущий к исходному единству. С помощью философской метафизики и диалектики Плотин обосновывал свои представления об этом пути. Единое, а также, Ум, идеи, душа – есть градации происхождения Единого в чувственный мир, где душа, по своей природе, – это обращение и в материальный мир, и в мир божественного Единого.

Ученик Плотина, Порфирий был писателем в разных областях философии. У Порфирия больше, чем у Плотина, интереса к практической философии неоплатонического пути, которую Порфирий понимает как учение о добродетелях. Признавая мистическую практику, Порфирий занимается описанием такой жизненной сферы человека, как соотношение душевной и телесной областей в поиске этического идеала – морального, эстетического – художественного или онтологического – принципиально-логического.

Как и все античные мыслители Порфирий первой и самой важной проблемой считает бессмертие души, ее переселение, его интересует теория вечного возвращения, исконно принадлежащая древним грекам. Раскрывая эту теорию в практически-жизненной тенденции, в частности, практически-религиозной, он объясняет старинное античное стремление к всеобщей гармонии и в космосе, и в человеке.

Мир у Порфирия описывается платонической триадой: сверхсущее единое, бытие единого сущего и само единое сущее. Мир делится на три неоплатонические ипостаси: первоединое, ум и душа. Допуская практически-жизненное отношение Порфирия к действительности, можно оправдать его в том, что он не занимается логически выдержанной диалектикой в духе строгого неоплатонизма. При изучении

трехипостасной диалектики этого автора гораздо важнее увидеть его позицию диалектики мифа, где раскрывается его отношение к тройственному характеру ума, что и характеризует рефлексивную мифологию Порфирия. Завершительная сфера ума, т.е. вся вторая ипостась, характеризуется слиянием бытия ума и его жизни. Такая диалектика ума поясняет его творческие потенции, называемые демиургией, где эйдетически оформленная материя входит в телах в бесформенную материю.

Во всем построении космоса у Порфирия, согласно А.Ф. Лосеву, можно проследить смысловой нигилизм по отношению к реальной действительности, которая, в таком случае, понимается как мифологическая область. Миф разворачивается, по Порфирию, не только в сфере общей гармонии космоса, но и в реальной человеческой практической жизни. Вместо платоновского учения о перевоплощении душ Порфирий говорит о конечном спасении – бессмертной – души и освобождении от всякого тела – это подчеркивает христианский мыслитель античности Августин Блаженный. Тем не менее, вся область жизненной практики рассматривается Порфирием чисто умозрительно. То, место Порфирия определяется между конструктивно-диалектическим умозрением в области мифологии Плотина и теософско-теургической практикой в области буквально-понимаемой материальной действительности Ямвлиха, следующего важного мыслителя последних веков античности.

Особую роль у Порфирия играет т.н. «жизненный дух», пневма, расположенный между телом и душой человека. А всякая ипостась у неоплатоников имеет как внутреннюю, так и внешнюю энергию. Отделение и соединение души с телом рассматривается в позитивном ключе, где положительная энергия содействует акту единения с высшей областью. Прагматически трактует Порфирий соотношение души и тела у «дурных» людей, которым не хватает позитивной энергии для восхождения души к высшей области уже при разложении телесного субстрата. Здесь прослеживается традиционность взглядов античности, где схема космической реинкарнации постулируется с фаталистической неизбежностью и неотвратимостью.

Порфирий ищет пути спасения человека, народа, общества и обращается к религии в ее живом опыте, хотя еще далеком от античной магии Ямвлиха. Порфирий действует посредством метода умозрения, которое он объясняет доступным для человека в качестве осмысления жизни и представления о мире в целом. Так, умозрительно Порфирий заключает в письме к египетскому жрецу Анебону о том, что если боги не могут претерпевать страдательного состояния, то всякие призывания богов, возлияния им, любое оказание воздействия на них несомненно оказываются напрасными. Идеальное потому и идеально для Порфирия, на него никакое материальное не может повлиять. Он обвиняет культ в несостоятельности. Умозрение Порфирия – это практика его учителя Плотина, вообще отвергавшего теургию и теософию в пользу чистого умозрения. Тем не менее, весь античный неоплатонизм являлся сводной диалектикой мифологии древних греков, а так как практически осуществленный миф есть теургена, то неплатоническое учение в целом оказывается диалектикой мистеральной теургии, где традиция «зрения ума»

разрабатывалась Плотиним, живой опыт был внесен Порфирием, теургические разработки – Ямвлихом. Вопрос, заданный Порфирием, о божестве и богах, об отношении богов к миру, о смысле молитвы и жертвоприношения, об умообразности человеческого существа разрешал построение философии мифа, т.е. философии мистериальной теургии.

Этика Порфирия поясняет онтологию, т.к. выстраивая свою иерархию добродетелей, он подчеркивает их связь с парагматическим первопринципом. Наличие в языческой философии парагматического первопринципа – надмирного разума – отражается и в христианстве, зародившемся у древних иудеев в качестве осмысления практической, действительной жизни этого народа. Однако, всемогущий разум у язычников не был личностью, не имел никакой своей сакральной истории и потому никак не мог воплотиться на земле в виде абсолютной личности. Творящий разум язычников был лишь предельным обобщением всех закономерностей природы, но не абсолютной личностью, которая выше всякой природы и выше языческих богов, они, в свою очередь, представляют собой только принципы тех или иных отношений природы. Такое природное начало в качестве божественного установления понималось античными людьми как закон, который древние иудеи отождествили с понятием благодати в качестве божественного установления, исходящего от абсолютной личности – Бога.

Рефлексируя над мифом, Порфирий работал с настоящей мифологией имен и событий, составляющих некогда подлинное и единственное содержание исконно народной мифологии. История в ее мифологическом времени рассматривалась Порфирием в духе ее подтверждения, состоятельности потому, что наблюдалось широкое распространение иудейского учения, ставившего под сомнение все нравственные основы исторически сложившегося античного и эллинистического общества. Это заставляло искать диалектические подходы к осмыслению реальности последних веков уходящей античности.

Миф для Порфирия – это разумно-одушевленное бытие, где душа, воспитывающая красотой, неразрушима и будет пребывать в вечном общении с богами, уже без позиций перевоплощения. Идеально одушевленные и разумные существа определяют содержание мифологии, т.к. идея жизни – это есть сама жизнь, диалектически являющаяся самой собой. Необходимо заметить, Порфирий не сводит всю мифологию к чисто физическому изображению обыкновенных явлений природы, он размышляет над диалектической связью идеи и материи, что свойственно неоплатонизму. Евсевий пишет, что Порфирий толковал античную мифологию в ее целом и давал смысловой анализ Зевса в качестве универсального начала всякого бытия как ноуменального прообраза, ума и демиургии, действующей путем смысловой эманации.

Оценивая философский смысл явления, Порфирий прогрессивно развивает теургическое умозрение. Описательный вид мифологии у Порфирия – это еще не непосредственный анализ категорий мифа, но предварительное их построение. В трактате «О пещере нимф» он разбирает такие первоисточники, как ветвь оливкового дерева, пещера, нимфы-наяды, источники вод, каменные чаши, пурпурные ткани, которые ткнут на каменных станках нимфы, пчелы в амфорах и мед, выходы из

пещеры на север и на юг и т.д. Тем самым размышляет над мифологией эпического времени, владея такими основными приемами, как систематизация, формальная разработка и отвлеченное умозрение, т.к. сама по себе история, будучи внешним изложением событий, без ее внутреннего осмысления и наполнения не может дать никакой пищи уму и работы для мысли.

Порфирий не задает себе вопроса о действительном нахождении пещеры, нимф и прочих мифологических категорий. Оставаться же на позициях поэтического вымысла автор также не желает, ибо «пред нами будут стоять одни и те же вопросы, а древние не основывали святилищ без тайных символов, и Гомер не делал бы таких сообщений без всяких оснований». Порфирий трактует миф символическим образом. Фактографическое изложение не может существовать как непреложное изложение фактов, без связи с прагматизмом для вскрытия «древней мудрости» святыни, ее устройства и значения. Для Гомера миф – это вера в объективно существующих реальных богов. Для Порфирия мифом является символическая (знаковая) конструкция мира и метод его философского познания исторических реалий. Миф – это иносказание о том, что было. Для философии высшей реальностью является историческое нисхождение души в мир, с ее постепенным материальным воплощением и затем восхождением ее к небесным сферам и бессмертию. Такая реальность насквозь мифологична. В каждой вещи можно отыскать знак этой мифологии. Для Порфирия гомеровские стихи наполнены тайным символическим смыслом бывших и нынешних событий, посредством которого раскрывается миф о круговороте душ, раскрывается древняя мудрость как божественное красивое упорядоченное установление гармонии космоса.

Появление мира Порфирий объясняет как осуществление мудрого замысла божества и умной природы. Этот мудрый замысел умной природы объясняется законом, а также благодатными потенциями Ветхого Завета («Если человек следует природе, а не пустым мнениям, то он имеет всего в достатке» - подобные сентенции можно встретить и у Порфирия, и в христианских постулатах). Приобщиться к этой мудрости, и одновременно безумию, можно, понимая образ водных нимф в народной древнегреческой традиции, где они диалектически трактуют становление, рождение жизнь и смерть.

Порфирий мыслит в русле древних мифологических и художественных традиций, образов, типичных для архаического мышления греков. Используя древнейшие символы ранней греческой культуры, он реставрирует старинную архаическую мифологию, выясняя ее пригодность для освоения нынешних реалий жизни. Вся эпоха упадка классического греко-римского мира – языческие писатели, философы, поэты объединяются в борьбе с растущим христианством, пытаются возродить на склоне античности ту языческую старину, которая является уже признаком ушедшего времени. Если не могли вернуться к жизни давно исчезнувшие исторические реалии, то система образов, составляющих основу мифомышления греков, никогда не умирала в греческой традиции. Эта специфика общегреческой философской образной мысли и является типом исторического отношения к материальному миру, т.е. типом историзма, который насквозь мифологичен посредством диалектики космической историей человека

и его окружения. Разумная красота устроения всегда действует вместе с судьбой в мифологии древних. Для Порфирия космическая пещера не является подлинным космосом. Пещера Гомера становится для Порфирия областью разочарования. Это философское осмысление исторического пессимизма.

Боги, знакомые Порфирию, которых он почитает и любит, являются единственно результатом обожествления природных сил. В то время, как религия христианства – это религия чистого духа и абсолютной личности. Понятие бога Порфирий старается не определять. Он признает такие добродетели, как вера, надежда, любовь и даже беспорочное зачатие. (Настоящая женственность – чисто античный символ! – по Порфирию, для зачатия и порождения потомства вовсе не нуждается в мирском начале.) Бог для Порфирия, как и для всех неоплатоников, – это Первоединое, непознаваемое и беспредикатное. Старые языческие идеалы уже осознаны античностью, христианство же остается пока непознанной духовной областью.

Людей того времени христианство пугало и притягивало одновременно. Выраженное в слове оно проповедовало высокого и недостижимого Бога и одновременно человеческое воплощение Бога со всеми человеческими чертами такого воплощения, включая смерть. Христианская мифология была непонятна и притягательна.

Другой чертой исторического пессимизма являлось внутриязыческое противоречие между архаическими категориями и умозрительной философией, проявляющееся в одухотворении культа. Этот пессимизм как результат переживания всемирно-исторических катастроф времени Порфирия являлся позитивным признаком философского осмысления исторических характеристик. Рефлексивная мифология Порфирия – это шаг на пути к христианской теологии, в отличие от Платона, стремившегося возратить исторический век архаики.

Выходом из сложившейся ситуации античные мыслители считали опять же укрепление триадической диалектики, однако, не в смысле ее восстановления, но в ее дифференцировании. Причем тождество и различие необходимо было не описать (именно этим занимался ранее Плотин), а дать терминологическое закрепление, внести упорядоченную практику Логоса. Идея, в таком случае, должна быть пропущена сквозь практические отношения субъекта и объекта. Став субстанционально материальной силой, идея осознает себя в мифе, осуществляющемся в практической жизни, в действии, в теургии. Истолковывать Платона и Аристотеля необходимо в смысле такой неоплатонической теории умозрительно-теургической системы и практики.

Далее Порфирий передал нить рассуждений философской школе Ямвлиха, которой предстояло разрешить проблемы: основной трехипостасности всей действительности, дифференцированного характера каждой из трех ипостасей, доведения платонизма до диалектики мифа, доведения диалектики мифа до теургии и соответствующей интерпретации античных, в первую очередь, платоновских текстов.

Теоретическая философия Ямвлиха продолжает размышления над основными категориями Платона: Единое, Ум и Душа. Эти категории дифференцируются и

оформляются терминологически. Например, в Едином Ямвлих различает два единых. (Первое – как у Плотина - выше всякого бытия; второе есть начало всего и называется потому не только Единым, но и Благом.) Схоластичность, схематизм характеризуют неоплатоническое учение Ямвлиха. Располагаясь в сфере небесной иерархии, число богов у Ямвлиха все более растет. Разросшаяся система политеизма свидетельствует о желании восстановить древнюю мифологию в противовес надвигающемуся христианству.

Ямвлих стремится восстановить все верования языческой религии, ее обряды и культовые действия, все предания о чудесах, все предзнаменования и молитвы. Главной задачей человека он считает веру в богов и общение с ними. Полностью уйдя в религиозную сферу, Ямвлих теряет связь с политическими событиями своего времени, моральными устремлениями тогдашнего человеческого общества. История оказывается в области чисто религиозной практики, но не практики действительной исторической жизни.

Литература

- 1 Лосев А.Ф. *История античной эстетики: Последние века. (3 – 6 вв.)*, кн. I. – М.: Искусство, 1988.